

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
ИЛИ КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ?
(ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
НА ХРЕСТОМАТИЙНУЮ ТЕМУ)**

В. Г. Белоус

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Авторская идея ревизии словаря современной российской политической науки является реакцией на несовпадение двух дискурсивных практик: мировой и отечественной. Непосредственно речь в статье идет о критическом отношении к «политической культуре» — типичному продукту буквального перевода на русский язык английского термина. Данный концепт был введен в научный оборот учеными-компаративистами в тот исторический момент, когда самостоятельная политическая теория находилась в стадии оформления. Проблема заключается в том, что понятие, призванное отражать предметный характер политики, однозначно соотносится с культурой. Между тем культура и политика — это такие универсальные формы человеческой деятельности, каждая из которых обладает собственной спецификой. Культура определяет политику, формируя общественное сознание, а вместе с ним и политический процесс, политическую жизнь в целом. Политика, в свою очередь, влияет на культуру, утверждая общественные предписания: устанавливая юридические законы и политические нормы, внедряя структурированное сознательное, т. е. идеологические стереотипы, идеалы, ценности, образцы поведения. Соответственно, различаются и две области общественнознания (наука о культуре и наука о политике), каждая из которых оперирует собственным категориальным аппаратом. Для определения специфики политического знания автор предлагает ответить на простые вопросы. Что именно измеряет политолог: культуру — политикой или же политику — культурой? О чем он говорит: о политическом элементе в культуре или культурном (сознательном, ценностном, смысловом) наполнении политики? Поскольку ответы, отражающие предметный приоритет политики для специалиста в данной области знания, очевидны, предлагается вместо концепта «политическая культура» использовать понятия «культура политики», «культурное измерение политики» и «культурно-политическое». Данные выражения нивелируют формализм проблемы «первичного» и «вторичного» в отношениях культуры и политики, политики и культуры. В ракурсе практических реалий российской политики в статье затрагиваются такие актуальные культурно-политические аспекты современности, как кризис культуры, образ будущего, проблема различения трансцендентных и имманентных политических идеалов. Общей темой для современной отечественной культуры политики, по мнению автора, должна выступать ориентация на гражданина как имманентную цель развития российской государственности.

Ключевые слова: научная ревизия, политическая культура, культура политики, государственность, гражданин, кризис культуры, образ будущего, трансцендентное, имманентное.

ВВЕДЕНИЕ

На переломе эпох, в конце 1980 — начале 1990 годов, отечественное обществознание сроднилось с множеством концептов, позаимствованных из англоязычного тезауруса. Реакция на неполное совпадение двух дискурсов, мирового и отечественного, привела автора к идее «перезагрузки» словаря современной российской науки о политике. Центром внимания (во многом произвольно) был избран типичный продукт перевода и интеллектуального привыкания — концепт «политическая культура». В античности существовал обычай так называемой абдикации — заявления отца об отлучении сына от семьи. Сегодня, как нам представляется, пришло время если не «отлучения» в буквальном смысле этого слова, то, по крайней мере, ревизии акта дискурсивного «усыновления».

Культура и политика — универсальные и самодостаточные формы человеческой деятельности. Разделенные в социологической схеме, в реальности они взаимно проникают друг друга («проникать», по В. Далю, значит проходить внутрь, насыщать, пропитывать, внедряться). Понятия «культура» и «политика» дополняют друг друга; они в равной степени могут играть роль каузаторов (причин), так и исполнять функцию агентов (производящих действие). Существует два равноправных алгоритма взаимной каузальности культуры и политики.

Культура определяет политику, формируя общественное сознание, а вместе с ним и политический процесс, политическое знание, политическую жизнь в целом. Культура есть универсальная форма человеческого бытия, которая определяет все прочие формы — быт, трудовую деятельность, социальные, политические и экономические общественные отношения. В истории мысли подобный подход к многофакторному анализу социума именуется культуроцентризмом. И в культуре, и в политике отражаются различные общественные противоречия — экономические, социальные, половозрастные, этнические и прочие, что находит прямое воплощение в культурных и политических процессах.

Культура, оказывая непосредственное влияние на формирование политического сознания, порождает тот или иной тип мироотношения к социальному порядку — от апологии до протеста. Культура функционирует как фундаментальный механизм политической социализации личности, поскольку власть (власти предержавшие) всегда заинтересована, чтобы общество состояло из лояльных по отношению к ней подданных (граждан). Политика, в свою очередь, определяет культуру, утверждая общественные предписания: устанавливая юридические законы и политические нормы, внедряя структурированное сознательное — идеологические стереотипы, идеалы, ценности, образцы поведения. Оказывая влияние на процессы, происходящие в культурной жизни, политическая сфера формирует системные социально-политические отношения и, параллельно, поддерживает складывающиеся в обществе связи и коммуникации.

Через культуру политическая система воспроизводит и саму себя. Культура, наряду с экономикой, социальной жизнью и прочим, является объектом политического управления, необходимого для поддержания общей жизнедеятельности системы. Политика изменчива, культура более склонна к постоянству.

Меняются системы, режимы, люди, персонифицирующие политику. Культура сохраняется в родной речи, почитании предков, традициях. Культура соединяется с политикой посредством стереотипов и мифологем, функционирующих внутри общественного сознания и общественного мнения.

Политика и культура пересекаются и в сфере общественнознания, где самодостаточно существуют наука о культуре и наука о политике. Несмотря на то что предметы каждой из наук обитают в разных сферах, общим знаменателем, безусловно, выступает познавательный и прагматический интерес исследователя. Наука о культуре обусловлена широким кругом проблем сознательной человеческой деятельности, социального опыта, коллективного и индивидуального творчества. Наука о политике вбирает в себя исследование разнообразных практик, которые в своей совокупности носят телеологический характер и являются превращенной формой отношений по поводу власти.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Человек, будучи ζῷον πολιτικόν, действует осознанно: формулирует признаваемые социумом цели и реализует их совместно с другими людьми, опираясь на фундаментальные ценности — справедливость, порядок, свободу. Целевой функцией общественного самосознания является творчество идей, или смыслотворчество. Смыслы несут в себе аксиологическое содержание, ориентируют людей в политическом пространстве, служат источником их общественного поведения. Результаты научного познания прямо зависят от того, на чем делается акцент: на результате или на процессе; ответах или вопрошании; учении или научении; достижении единомыслия или рефлексии.

Равноправны два тезиса, относящиеся к методологии научного познания: наука есть ориентация на единообразное восприятие исследуемых объектов; и в науке нет общепризнанных истин. Конвенционализм, одно из известных представлений об истинном знании, объявляет таковыми положения, которые являются продуктом интеллектуальных соглашений. Прямо противоположная ей эпистемологическая операция, переводящая общепризнанное под знак вопроса, именуется «проблематизацией» — совокупностью «дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т. д.)» [Фуко, 2007].

Французский философ прямо указал на персональную ответственность каждого, кто воспоследует данной, на первый взгляд, исключительно познавательной процедуре: «Работа интеллектуала не в том, чтобы формировать политическую волю других, а в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях, заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления и, исходя из этой ре-проблематизации (где и отправляет свое специфическое ремесло интеллектуал), участвовать в формировании некоторой политической воли (где он выполняет свою роль гражданина)» [Фуко, 2007].

Подытожим высказывание в лапидарной форме: быть гражданином для политолога — значит творить смыслы; творить смыслы — значит быть гражданином. Между тем современные обществоведы либо занимаются констатацией очевидностей, либо конструируют образы-симулякры. Technos (ремесло) стремительно вытесняет Logos (науку). На интеллектуальной авансцене доминируют носители прикладной культуры, предметом заинтересованности которых вместе с удовлетворением собственных потребностей является обслуживание властей предрержащих. Политика никогда не чуралась популизма, однако сейчас она куда в большей степени, чем когда-либо прежде, пронизана обыденным, т. е. заурядным, рутинным сознанием. В современных условиях, когда научное высказывание о политике утратило прежний преюдициальный характер, свелось к минимуму и само культурно-политическое значение интеллектуала [Furedi, 2004].

Каждому, кто вознамерится изменить сложившуюся ситуацию в пользу возвышения сознания, придется вспомнить о своей роли гражданина. Альтернатива воинствующему эмпиризму, с одной стороны, и ни к чему не обязывающим абстракциям — с другой, заключается в научной ревизии как радикальном изменении эпистемологической установки на политическую рефлексию [Белоус, 2017]. Такого рода программа должна побудить тех интеллектуалов, которые серьезно относятся к собственной миссии, обратиться к практике «исправления имен» (чжэнмин) — так древние китайцы именовали требование правильно выстраивать понятия, чтобы те помогали самосовершенствованию и приносили пользу в делах управления государством (чтобы настроиться на данную практику, совсем необязательно быть конфуцианцем).

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИСПОЗИЦИИ

Обратимся к выражению «политическая культура» (кальке с английского — Political Culture), адаптированному как к научной, так и обыденной формам отечественного сознания. Калькированием в языкознании называют буквальный перевод слов или оборотов речи. В русском аналоге, как и в английском оригинале, используются два слова — две взаимосвязанные части речи: имя прилагательное и имя существительное. Одно из них выполняет функцию предмета («культура»); другое — его признака, отличительного свойства («политическая»).

«В любом сложном обозначении предмета или лица <...> всегда обнаруживается, что одно из слов имеет первостепенное значение, а другие присоединяются к нему на положении подчиненных слов. Главное слово определяется (уточняется, модифицируется) другим словом <...> Таким образом, устанавливаются известные “ранги” слов в соответствии с тем, являются ли они по отношению друг к другу определяющими или определяемыми» [Есперсен, 1958]. Автор «Философии грамматики» называет главное слово «первичным» (primary), а зависимое — «вторичным» (secondary).

Какова субординация политики и культуры, культуры и политики в словосочетании «политическая культура»? Лингвисты указывают на особое свойство прилагательного — служить вспомогательным элементом (адьюнктом) для рас-

ширения значения главного слова в паре, т. е. существительного. «Самыми важными... являются адьюнкты, которые можно было бы назвать ограничительными, или квалификативными: их функция состоит в ограничении первичного слова, т. е. в ограничении числа предметов, для обозначения которых оно может быть употреблено, иначе говоря, для специализации и уточнения» [Есперсен, 1958].

В словосочетании «политическая культура» прилагательное играет роль фрейма (frame) — «рамки» [Гофман, 2004], искусственно отграничивающей политику от не-политики внутри культуры. Не удивительно, что в аспекте знаний о культуре представления о политике носят периферийный характер. Ситуация радикально меняется, если первичным словом выступает политика (слово, взятое в форме не прилагательного, а существительного), тогда как культура (незвизирая на свой универсальный характер, а возможно, как раз благодаря ему) исполняет функцию квалификативного адьюнкта.

Обратим внимание на тот факт, что инструментарий, объединивший знания о культуре с политической практикой, был введен в научный оборот учеными-компаративистами в тот исторический момент, когда «тело» современной теории политики находилось в стадии оформления. Редакторы-составители англоязычной антологии «Культура и Политика», объявляя в аннотации к книге «политическую культуру» одним из центральных концептов в политической науке, вместе с тем указывают, что его толкования приводят к большим затруднениям («Political culture is one of the central, but most difficult, concepts in political science»). В чем именно заключается «наибольшая трудность» адаптации термина к специфическим требованиям политического знания, не поясняется.

Отечественная наука о политике получила собственный тезаурус, как уже отмечалось выше, в основном в виде наследства. За тридцать последних лет в России на иноязычной почве сформировались не только собственная политология, но и наука о культуре. Не удивительно, что определение, приведенное в «Большой российской энциклопедии», где «культура политическая» именуется «частью общей культуры»¹, рассматривается большинством авторов в качестве эталонного. Термин, призванный отражать историческую и функциональную *взаимообусловленность* культуры и политики, недвусмысленно указывает на главенствующую роль первого слова и подчиненную — второго.

О ТЕМПОРАЛИЗАЦИИ

Известно, что в языке средством указания на «смысловой центр высказывания» служит порядок слов, наряду с интонацией, и что при переводе часто происходит «перестройка речевой структуры» [Черняховская, 1976, с. 5]. Сформулируем контрольные вопросы: что собственно мы желаем измерить: культуру — политикой или же политику — культурой? О чем говорим: о политическом элементе в культуре или культурном (сознательном, ценностном, смысловом) наполнении политики?

¹ Культура политическая // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2121009 (дата обращения: 04.01.2021).

Возможно, первое имеет интерес для культурологов (к примеру: насколько политически ангажированы работники культуры или же каков политический «градус» той или иной историко-культурной эпохи). Политологи решают иные значимые для праксиса задачи: от измерения так называемой культуры участия и сравнения разнообразных культурных типов до формирования общественных идеалов.

В определениях понятия «политическая культура» обнаруживается общая проблема: все они ориентированы демонстрировать неизменность шкалы на фоне разнообразия объектов измерения — культурно-политических феноменов. Перечислим самые распространенные дефиниции. Это *система*² (политических представлений; политических ценностей, оказывающих влияние на политическое поведение; ценностно-нормативная, которой придерживается общество); *совокупность*³ (типичных для конкретного общества форм и образцов поведения; элементов и феноменов; наиболее устойчивых форм) *комплекс*⁴ (представлений); *тип*⁵ (ориентации на политическое действие); *показатель*⁶ (уровня развития политических отношений); в английском «первоисточнике» понятие соотносится с существительным *a set*⁷, которое переводится на русский и как уже упомянутая выше совокупность, и как *набор, ряд, множество*.

Складывается впечатление, что речь идет о своеобразной «средней температуре по больнице», то есть об измерении некоего качественного состояния количественными показателями. Существует большой соблазн рассматривать политическую культуру и ее производные как константы [Константы..., 2007]. На самом деле эти феномены представляют собой вечно изменяющиеся сущности. Системность политики и культуры диалектически соотносится с процессуальностью.

Главная особенность (и сложность) измерения политики культурой заключается во временной (темпоральной) сущности обоих феноменов. Политика (власть) и культура (сознание) одинаково обусловлены восприятием времени в символической форме [Белоус, 2011], закрепляемой в исторической памяти. Власть ориентирована на осознанные и управляемые перемены; для сознания нет высшей цели, чем наделение перемен смыслами: любому политическому действию надлежит быть оправданным в слове.

² Там же.

³ Баранов Н. Лекция 1. Политическая культура как часть культуры общества // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurspoliticheskaya-kultura/123-lektsiya-1-politicheskayakultura> (дата обращения: 04.01.2021).

⁴ Политическая культура общества. URL: <https://www.sites.google.com/site/konstantinovaan-astasia01/politiceskaa-kultura-obsesva> (дата обращения: 04.01.2021).

⁵ Содержание политической культуры. URL: <https://studfile.net/preview/5996599/page:2/> (дата обращения: 04.01.2021).

⁶ Политическая культура общества и личности. URL: https://studwood.ru/1059768/politologiya/politicheskaya_kultura_obschestva_lichnosti (дата обращения: 04.01.2021).

⁷ Political culture // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-culture> (дата обращения: 04.01.2021).

О НОВОМ КАК ОЧЕВИДНОМ

Уже сам факт взаимодействия культуры и политики обуславливает необходимость интегрального индикатора состояния социума, который соотносился бы именно с предметной областью политического знания. Если культура по праву рассматривается как целое, не будет ли куда более соразмерно (и корректно) брать в качестве «части» также культуру, только характеризующую особый сегмент человеческого бытия — политику?

Чтобы данный индикатор полностью соответствовал предметной области науки о политике, важно утвердиться в заинтересованности политологов (как исследователей, так и практиков) не в политическом измерении культуры, а в культурном содержании политики: образе политического мышления; стилях властвования; культуре участия и др. В данном случае практика «исправления имен» будет заключаться в следующем: мы предлагаем политологам вооружиться собственным инструментарием, оставив «политическую культуру» культурологам.

Для устранения недостатка (который, по аналогии с известным фильмом “Lost in Translation”, можно назвать «потерянный в переводе») вместо сочетания прилагательного и существительного предлагается соединить два существительных, причем в порядке, обратном привычному: «культура политики». Культура в горизонте политической современности, будучи порождением готовых структур общественного сознания — исторических мифов, религиозных принципов, идеологических стереотипов, мировоззренческих ориентаций, политических установок, моральных ценностей, общественных идеалов, функционирует как культура политики. Данное понятие (в значениях «культурное измерение политики», или «культурно-политическое») нивелирует формализм проблемы «первичного» и «вторичного» в отношениях культуры и политики, политики и культуры.

Именно благодаря своему универсализму культура политики соотносится не с совокупностью, а с единичным. Целое гражданина как «гражданства» (позволю себе ввести такое малоупотребляемое слово⁸ в научный оборот, чтобы отличать его от «гражданства») оказывается не во многом (пресловутом «гражданском обществе»), а в каждом. В словосочетании «культура политики» первое существительное служит для ограничения и отграничения второго.

Политика — сфера деятельности, которая преимущественно осуществляется в публичном пространстве, и деятельность такого рода предполагает разные уровни мастерства. Не случайно политику ассоциируют с искусством, игрой, т.е. редуцируют к специфическим формам культурного творчества. Культура политики — это культура поведения на политической сцене, и она, безусловно, зависит от тех ролей, которые предписаны участникам современного «общества спектакля» [Дебор, 2014], а также от исполнительского мастерства — от того, насколько политические актеры (они же актеры) соответствуют заданным установкам.

⁸ Из недатированного письма писателя В. Курносенко к критику В. Курбатову. Цит. по: https://vk.com/wall-9778909_2489 (дата обращения: 04.01.2021).

О СУБЪЕКТНОСТИ И ОБЪЕКТИВАЦИИ

Категория «культура политики» начинает наполняться смыслами в тот момент, когда оба составляющих ее элемента опредмечиваются, т. е., с одной стороны, обретают субъектность в самосознании гражданина, а с другой, объективируются в государствообразующих институциональных формах, самые известные из которых: народ, власть, территория. (Заметим «на полях», что русский язык позволяет разделить смыслы, заключенные в английском subject — слово, которое может быть переведено как предмет, субъект и даже как объект.)

Институты наделены политической субъектностью ровно в той степени, насколько этим качеством обладают люди в статусе граждан как носители политической воли и политического сознания. Авторы многочисленных научных трудов, употребляющие такие словосочетания, как «политическая культура нашего государства» или «политическая культура России» (примеры без труда обнаружатся в справочных службах Всемирной паутины), по всей видимости, буквально восприняли тезис о «смерти субъекта».

Если понимать историю как процесс объективации политических институтов — и абстрактного государства, и конкретно России, — то не лишним будет вспомнить ставшее классическим определение: «“История” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 102].

Социальные, корпоративные и прочие образования, вместе с нормами организующие власть, следует ассоциировать с культурой ровно в той степени, которая характеризует культуру людей — участников политического процесса, акторов, составляющих ту или иную общность. В нашем случае культура политики, рассматриваемая в контексте российской публичности, предполагает измерение сознания граждан России такими признаками, благодаря которым совокупность людей превращается во множество.

Первым, кто при определении множества задал совокупности опцию единства (целостности), был немецкий математик Г. Кантор (начало последней четверти XIX в.): «Под <...> множеством <...> я понимаю вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, то есть всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона...» (цит. по: [Асмус, 1965, с. 220])

В нашем случае «многое, которое можно мыслить, как единое», — Россия. При этом не следует забывать, что и институализированная российская публичная политика, и сознание граждан России есть величины переменные. Однако существует и объединяющая всех константа — это российская государственность [Белоус, 2013]. Мы рассматриваем российскую государственность, в отличие от государственных форм, как историческое целое.

Государственность понимается нами как фундаментальная зависимость между политическими институтами и общественным сознанием и наоборот, т. е. как функция, сущность которой заключается в единстве «деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление»

[Кант, 1994, с. 80]. Ноумен, взятый как единое многое, раскрывается в культурно-исторических, политических формах — феноменах, сущность которых отражают исторические эндозтнонимы (самоназвания): «Царство», «Империя», «Союз», «Федерация».

О КУЛЬТУРЕ УЧАСТИЯ

В популярных западных определениях «политической культуры» говорится о совокупности общих взглядов и суждений населения относительно политической системы⁹, или же об исторически обоснованных, широко распространенных убеждениях, чувствах и ценностях по поводу природы политических систем, которые могут служить связующим звеном между гражданами и правительством¹⁰.

Такой взгляд возникает, когда критерием оценки служит так называемая культура участия. «Так называемая» ровно потому, что существуют разные формы, разные масштабы участия и, наконец, потому, что на другом конце шкалы стоит прямо противоположное: *неучастие*. Для исследователя крайне важно представлять все точки зрения — культурные, контркультурные и акультурные [Мюрберг, 2012]; избегать упрощения; руководствоваться требованием шкалирования культуры политики от полюса общественного предписания до полюса индивидуального самосознания.

Участие может быть прямым, непосредственным и делегированным. Участие есть исполнение должного (политических предписаний). Однако участие невозможно без причастности (Аристотелевской «койнонии»), принадлежности человека к некой общности — идентификации себя с таковой. В политическом смысле общностью могут выступать объединения граждан, общественные организации, институты и прочие формы общения, благодаря которым формируются «полис» и «полития».

Проблема участия — это вопрос о гражданине как субъекте культуры политики, имманентной цели государственности. Культура политики функционирует между общественным предписанием и индивидуальным самосознанием. В ее «должном» не существует различения «мы» и «они», общества и власти, гражданина и государства. Культура участия обуславливается добровольностью политического действия.

Общественный запрос на политическую субъектность существует всегда, и современная Россия тому яркое подтверждение. Подчеркнем, что мы говорим не о субъектах властвования, а о носителях той или иной культуры власти. Если бюрократия — субъект культуры официоза (лиц, приближенных к власти), то народ — субъект «смеховой» культуры политики, которая востребуется, как правило, именно в периоды кризисов [Горбачева, Гришанова, 2018].

В начале прошлого столетия о праве быть чуть ли не единственным субъектом культуры политики в России заявляла интеллигенция, позиционируя себя

⁹ Political culture // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-culture> (дата обращения: 04.01.2021).

¹⁰ Political Culture: Definition, Theory, Types & Examples. URL: <https://study.com/academy/lesson/political-culture-definition-theory-types-examples.html> (дата обращения: 04.01.2021).

в качестве альтернативы неокультуренному мещанству. Потом эстафету приняли так называемые интеллектуалы; сегодня данную миссию исполняют блогеры. Те, кто использует термин «политическая культура», измеряют среднюю температуру, как в известной сказке, то по вершкам (политическим элитам), то по корешкам (по так называемому «глубинному народу»).

Содержание культуры политики раскрывается также и в ответе на вопросы: зачем люди участвуют? Или, другими словами: какова целевая функция участия? Самосознание отражает различную степень причастности каждого человека к политике — номинальную, реальную, идеальную. Для личности осознать себя субъектом политического процесса означает быть не подданным (английский аналог данного слова тоже *subject*): государства, царя, отечества, а гражданином.

Фраза из рассказа Андрея Платонова «Старый механик» (1940) «Без меня народ неполный» — идеальная формула индивидуальной политической субъектности. Между тем, отечественная история сыграла с концептом «народ» ту же злую шутку, что и с «индивидуумом»: ни сбитые вместе стада «политических животных», ни выдающиеся герои больше не играют прежних ролей, а значит, не являются собой материал для исторического действия. В XXI столетии на смену им приходит сеть.

Участие сегодня — это форма самоопределения человека внутри новых форм коммуникации. Интернет-пространство — прообраз формирующегося глобального мира, появление которого было предсказано в литературных антиутопиях 1920–1940-х годов. Феномены «интеграла» (Е. Замятин), «инкубатория» (О. Хаксли), «Большого Брата» (Дж. Оруэлл) — все они, так или иначе, связаны с темой политического контроля над человеческими связями и отношениями. Человек для субботы (глобальной/локальной сети) или суббота для человека? — вопрос, который не теряет своей культурной остроты и политической актуальности.

О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ

Переключая фокус внимания на современность, мы оказываемся лицом к лицу с духовной ситуацией кризиса, именуемой «постмодерном», главными приметами которой являются понижение сознания, обесмысливание жизни и, как следствие, «закат» метанарраций, или «великих сценариев» [Лиотар, 1998]. Уточним, что речь идет не о политическом кризисе и даже не о кризисе культуры политики, но именно о «кризисе культуры» — понятии, в котором отражается целый ряд универсальных аспектов функционирования социума, мирового и отечественного.

Смысл кризиса заключается в общем испытании, затрагивающем все сферы человеческой деятельности, в том числе и политику; по отношению к такому испытанию все возможные описательные формулировки приобретают статус предикатов. Современный кризис следует понимать не как «все плохо-плохо» (подобные пессимистические установки находят отражение не только в публицистике, но и в научной литературе [Алентьева, 2013]), а как характеристику переходного состояния от старого культурно-политического порядка к новому.

Можно сравнить два кризиса: столетней давности и современный. Начало XX столетия было временем кризиса индивидуализма, элитарной культуры, культуры модерна. Начало XXI столетия обусловлено кризисом массовой культуры. Основание современного кризисного состояния лежит в господствующем способе мышления, каковым является постмодернизм. В его основу положена имитация реальности — подмена содержания формой, а смысла знаком. «Симулякр» — одно из ключевых понятий современности, служащее для обозначения непонятнейшего средства фиксации опыта [Бодрийяр, 2015]. В постмодернистской действительности, именуемой гиперреальностью, наличествует установка, что симуляция и есть сама реальность.

Главная черта современных политиков — то, что они имитируют саму политику, превращая публичность в популизм. Вместе с «концом идеологий» утратили свой исходный смысл и ушли в прошлое обусловленные политическим конфликтами идеологемы; их место заняли нейтральные лексемы и однодневные мемы. Современную культуру политики характеризуют повторение вместо изменения, смешение вместо иерархии, имитация вместо творчества.

В свое время политическая мысль выдвинула *Realpolitik* — политику, ориентированную на практические, материальные факторы (интересы), как альтернативу *Idealpolitik* — политике, ориентированной на оторванные от действительности идеалы. Постмодернистская политическая жизнь выдвигает новую альтернативу, которую мы называем *Fiktivpolitik*. Фундаментом такой политики являются мнимые величины. Современное сознание привычно откликается на мнимое как на реальное, именуя новую данность термином «постправда», поскольку другой реальности для него (сознания) просто не существует. Все эти факторы определяют наличную действительность глобального мира XXI столетия, и Россия здесь не исключение.

О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НАСТОЯЩЕГО И ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО

Признать кризис культуры применительно к современной России означает не только адекватно оценить реальность, но и увидеть скрывающееся в ней будущее. Вектор развития страны (отечественной государственности) напрямую зависит от осмысленного выбора граждан в пользу возвышения уровня культуры политики. Между тем в силу разных причин именно современность часто ощущается как точка разрыва.

В математике данное понятие определяет случай, когда функция не является в данной точке непрерывной или же она (функция) не определена. В мировой истории практически каждая государственность сталкивается с тем, что у Шекспира в «Гамлете» названо “The time is out of joint”¹¹. Для России последней (по времени) точкой исторического разрыва является 1991 г. — момент распада советской государственной формы.

¹¹ Варианты русских переводов см.: Нечто литературоведческое // Живой журнал Николая Вересова. URL: <https://nikversov.livejournal.com/10891.html> (дата обращения: 04.01.2021).

Применительно к феномену современной России срабатывает не столько прерывистость исторического процесса, сколько его неопределенность. Иными словами, важность приобретает не сам факт смены исторических парадигм, а очевидная неспособность современного сознания заполнить расширяющуюся лауну новыми смыслами. В постсоветской России запрос на самоопределение общественных идеалов часто находит отражение в призывах к формированию некой национальной идеи или даже государственной идеологии. Как правило, эти интенции остаются в границах обыденного самосознания и внеаучной рефлексии.

На этом фоне политическая наука действует более «приземленно», избегая необходимости формулировать общественно значимые задания. Поскольку на место прежних «идеологий» претендуют так называемые технологии, политтехнологи активно занимаются сегодня «методологическим конструированием» политической культуры [Долинина, 2011]. И это происходит ровно в тот исторический момент, когда востребована культура, которая могла бы *конституировать* смыслы новой политики. Речь должна идти о принципиально новых элементах формирующегося социума XXI столетия, который отличается распадом прежних форм и их реформатированием.

Культура отображается в самом мышлении о политике, проявляясь прежде всего в воображении: в образах и образцах. Стимулирование воображения, формирование творческого мышления происходит на путях самопознания и критической оценки человеком собственного статуса в современном мире. Культурно-политическое измерение будущего для современной России означает то, какие цели, векторы движения задаются, и то, какими оценками наделяются и с какими образцами сравниваются прошлое и настоящее страны.

В наличной культуре политики образ будущего присутствует как проблема выбора. Постидеологическое теоретическое сознание наглядно отражается в тезисах, будто субъектом проектирования «образов будущего» выступает «элита»; что образы эти «конструируются» (что больше походит на изменения узоров в детском калейдоскопе при неизменном сохранении трех спецификаций); при этом упор делается на таком политтехнологическом формате, как «сценарий» [Шестопал, 2016]. Сценарий настоящего пишет прошлое; сценарий будущего — настоящее.

Культура политики конституируется в современной России из стереотипов прошлого, конфликтов настоящего, фантазмов (так называется особая разновидность сценopodobных образных представлений) будущего. Сложность оценки будущего в условиях господства постмодернизма заключается в том, что ничего, кроме настоящего, нам не дано. Стирается историческая память, угасает воображение: память отдана вовне — компьютеру, и воображение воплощается в исключительно новых игровых, компьютерных программах. Современность ощущается и переживается сегодня как неизменяемая и неизменяющаяся длительность.

Оттого и выбор сценариев будущего у современной российской государственности невелик. Это либо «модернизация» в соответствии с требованиями западной цивилизации, а значит, адаптация к насущным требованиям глоба-

лизации, либо редукция к образцам из собственного прошлого — «империи» (советской/российской) или еще глубже — к кровнородственным связям внутри «национального» государства. В иных случаях политическая наука прибегает к помощи наивно-мифологического сознания, понятийно редуцирующему мир к двоичным оппозициям, когда представляющие его авторы рассуждают о «светлом»/«ужасном» сценариях будущего [Данилов, 2016].

Между тем настоящее пишет малооптимистический сценарий для будущей России: «застой», «цивилизационный конфликт с Западом», «четвертая мировая война», и прочие мнимые или реальные перспективы — таковы актуальные приметы обступающей нас и внедряющейся в сознание действительности. Существует иллюзия, будто конструирование образов будущего позволит преодолеть разрыв, о котором говорилось выше. Однако конструируемое политтехнологами «будущее» так и остается на трансцендентном уровне «желаемого — возможного — необходимого», умирая вместе с тем «настоящим», которому обязано своим появлением на свет. Людям XXI столетия нет нужды планировать некие перспективы, собирая лоскутки прошлых, собственных или чужих, иллюзий, занимаясь «пересборкой» [Латур, 2014] идеологического.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Элементарный интернет-запрос на тему «политические идеалы современной России» приводит к известным историческим идеологиям и схемам «правого» и «левого». Если применить известную сентенцию У. Черчилля о «генералах, всегда готовых исключительно к прошлой войне», к научному дискурсу об образе будущего России, то придется признать, что экспертное сообщество в подавляющем большинстве своем ориентировано на концепты и схемы «идеологических войн», которые давно должны были уйти за горизонт прошлого.

Политологам нет необходимости предъявлять сегодня социуму ни абсолютно новые (таковых нет), ни переформатированные общественные идеалы. Очевидно, что будущее складывается не из абстракций о том или ином «совершенном», «наилучшем», отвечающем «современным, образцовым требованиям масс» [Шпак, 2010]. Идеалы должны предстать не трансцендентными (в виде «идеологий» или «утопий»), а имманентными целями и ценностями, т. е. возникающими из очевидности самой общественной, политической реальности.

Идеологии — продукт удаленного от современности, традиционного общественного сознания. Их социальный адресат — это значительные по своей величине социальные, «воображенные» сообщества» (в оригинале у Б. Андерсона именно так: *Imagined* [Андерсон, 2016] — лишний повод вспомнить о “*Lost in Translation*”), т. е. *данные* в образах. Идеалы — суть *задания*; это жизненные ориентиры каждого человека в мире политики прошлого, настоящего и будущего. Постоянство работы с идеалами (образными конструкциями) в настоящем является залогом устойчивого развития сообщества в будущем.

Распространено мнение, будто идеалы функционируют в виде трансцендентных целей, которые заключают в себе абсолютную, совершенную потенциальность. В политике таковыми являются фундаментальные целевые ориен-

тиры, которые ведут людей к универсальному «общему благу». Их укоренение в общественном сознании в виде ценностных ориентаций ставится в зависимость от процедуры идентификации — от того, насколько личность отождествит себя с производными: политическими идеями и доктринами.

Существуют и обратные по значению трансцендентностям — имманентные цели, которые выступают в качестве непосредственных источников и регуляторов политического процесса. Имманентная цель самодостаточна; она никогда не исполняет роль средства для достижения иных целей. Наличие у социума имманентных целей — это своего рода общественный иммунитет: альтернатива любому кризису, природному или социальному.

Имманентности (в качестве примеров можно привести две — для государственного целого и индивидуального единичного — это суверенитет и гражданин) существуют в мире политики как очевидности, однако не следует питать иллюзий относительно автоматизма их объективации. «Трансцендентное» отношение к идеальному субстрату как к чему-то отдаленному во времени и пространстве от настоящего, губительно для политического будущего социума. Для нас очевидно, что политические идеалы должны осуществляться не в отдаленном будущем, а здесь и сейчас.

Литература

Алентьева Т. В. Кризис культуры в современной России // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 4 (19). С. 215–222.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. (Очерк истории: XVII — начало XX в.). 2-е изд. М.: Мысль, 1965. 312 с.

Белоус В. Г. Философия времени Андрея Белого и История становления самосознающей души // Russian Literature. 2011. LXX–I/II. P. 39–48. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2011.10.004>

Белоус В. Г. Политическая рефлексия и понятие «государственность» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 4. С. 32–41.

Белоус В. Г. Самопознание политики (О контурах теории политической рефлексии) // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Политическая наука: Ежегодник 2017. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 8–21.

Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляции. М.: Издательский дом Постум, 2015. 240 с.

Горбачева И. М., Гришанова Е. В. Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 85–90.

Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

Данилов М. В. Политизация будущего. Образы грядущего в российском политическом процессе // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 71–78.

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2014. 232 с.

Долинина И. Г. Формирование политической культуры: опыт методологического конструирования. Пермь: ПГНИУ, 2011. 365 с.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/JespersenO/JespersenO.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).

Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

Константы русской политической культуры / Сост. Н. В. Гараджа. М.: Европа, 2007. 91 с.

Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

Лиотар Ж. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. С. 3–230.

Мюрберг И. И. Ч. Тейлор о методологическом статусе понятия «культура» в интерпретативной истории Модерна // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 54–64.

Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11. 02. 2019. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 04.01.2021).

Фуко М. Забота об истине. Беседа Мишеля Фуко с Франсуа Эвальдом // Гуманитарный портал. 2007. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/524> (дата обращения: 08.01.2021).

Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976. 262 с.

Шестопал Е. Б. Образ будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Моск. ун-та. 2016. № 2. С. 7–20.

Шлак В. Ю. Идеал политический // Политология: Словарь. РГУ, 2010. 292 с. URL: http://window.edu.ru/resource/681/37681/files/polit_dict.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

Culture and Politics: a Reader. New York: Palgrave Macmillan, 2000. XX, 440 p.

Furedi F. Where Have All the Intellectuals Gone: Confronting 21st Century Philistinism. London: Continuum, 2004. 198 p.

Белоус Владимир Григорьевич — д-р филос. наук, доц.; v.belous@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 26 марта 2021 г.;

рекомендована в печать: 25 апреля 2021 г.

Для цитирования: Белоус В. Г. Политическая культура или культура политики? (Полемические заметки на хрестоматийную тему) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17, № 2. С. 118–134. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.201>

POLITICAL CULTURE OR THE CULTURE OF POLITICS? (POLEMICAL NOTES ON A TRIVIAL TOPIC)

Vladimir G. Belous

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
v.belous@spbu.ru

The author's idea of revising the dictionary of modern Russian political science is a reaction to the mismatch of international and domestic discursive practices. The article deals with a critical attitude to "political culture". This concept was introduced into circulation by scientists at that moment when political theory was in the stage of formation. The problem is that a concept designed to reflect the objective nature of politics is unambiguously related to the nature of culture. Meanwhile, culture and politics are the universal forms of human activity, each of which has its own specificity. Accordingly, the areas of social science also differ. To determine the specifics of political knowledge, the author suggests answering simple questions. What exactly does a political scientist measure: culture by politics or politics by culture; a political element in culture or the cultural (conscious, value, semantic) content of politics? Since the answers reflecting the subject priority of politics for a specialist in this field of knowledge are obvious, it is proposed to use the concepts of "culture of politics", "cultural dimension of politics" and "cultural-political" instead of the concept of "political culture". These expressions neutralize the formalism of the problem of "primary" and "secondary" in relations between culture and politics, politics and culture. From the

perspective of the practical realities of Russian politics, the article examines such topical cultural and political aspects of modernity as the crisis of culture, the image of the future, the problem of distinguishing between transcendental and immanent political ideals. According to the author, a common theme for the modern domestic culture of politics should be an orientation towards a citizen as an immanent goal of the development of Russian statehood.

Keywords: scientific revision, political culture, culture of politics, statehood, citizen, cultural crisis, image of the future, transcendental, immanent.

References

- Alent'eva T.V. The Crisis of Culture in modern Russia. *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, 2013, no. 4 (19), pp. 215–222. (In Russian)
- Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, Verso 2006. 240 p. (Rus. Ed.)
- Asmus V.F. *The Problem of Intuition in Philosophy and Mathematics (Essays on the History of the XVII – early XX centuries)*. 2nd ed. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 312 p. (In Russian)
- Belov V.G. Andrey Bely's Philosophy of Time and the History of the Formation of a Self-conscious Soul. *Russian Literature*, 2011, vol. LXX–I/II, pp. 39–48. (In Russian)
- Belov V.G. Political reflection and the concept of «statehood». *Political expertise: POLITEX*, 2013, vol. 9, no. 4, pp. 32–41. (In Russian)
- Belov V.G. Self-knowledge of Politics (On the Contours of the Theory of Political Reflection). *Politicheskaia refleksiiia, teoriia i metodologija nauchnykh issledovaniia. Politicheskaia nauka: Ezhegodnik 2017*. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 8–21. (In Russian)
- Baudrillard J. *Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism)*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1994. 176 p. (Rus. Ed.)
- Chernyakhovskaya L.A. *Translation and Semantic Structure*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1976. 262 p. (In Russian)
- Culture and Politics: a Reader*. New York, Palgrave Macmillan, 2000. XX, 440 p.
- Danilov M.V. Politicization of the Future. Images of the Future in the Russian Political Process. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2016, no. 6 (57), pp. 71–78. (In Russian)
- Debord G. *Society of the Spectacle*. New York: Zone Books, 1994. 221 p. (Rus. Ed.)
- Dolinina I.G. *Formation of Political culture: The Experience of Methodological Construction*. Perm', PGNIU Publ., 2011. 365 p. (In Russian)
- Jespersen O. *The Philosophy of Grammar*. London, Allen & Unwin, 1935. 359 p. (Rus. Ed.)
- Foucault M. «Le souci de la verite» (entretien avec F.Ewald), in Foucault M. *Dits et écrits*, t. IV. Paris, Gallimard, 1994, pp. 668–678. (Rus. Ed.)
- Furedi F. *Where Have All the Intellectuals Gone: Confronting 21st Century Philistinism*. London, Continuum, 2004. 198 p.
- Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston, Northeastern University Press, 1974. 612 p. (Rus. Ed.)
- Gorbacheva I.M., Grishanova E.V. The Role of Laughter Communication in the Socio-cultural Development of Society in Crisis Periods. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniia*, 2018, vol. 2 (18), pp. 85–90. (In Russian)
- Kant I. *Critique of Pure Reason*, trans. by M.Weigelt. London, Penguin Books, 2007. 784 p. (Rus. Ed.)
- Constants of Russian Political Culture, ed. by N.V. Garadzha. Moscow, Europa Publ., 2007. 91 p. (In Russian)
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York, Oxford University Press, 2005. 312 p. (Rus. Ed.)
- Lytard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984. 144 p. (Rus. Ed.)
- Marx K., Engels F. *The Holy Family, or Critique of Critical Critique. Against Bruno Bauer and Co*. Moscow, Progress Publ., 1975. 286 p. (In Russian)

Myurberg I. I. Ch. Taylor on the Methodological Status of the Concept of “Culture” in the Interpretive History of Modernity. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 10, pp. 54–64. (In Russian)

Shestopal E. B. The Image of the Future in the Consciousness of Russian Society as a Factor of Political Development. *MSU Vestnik*, 2016, no. 2, pp. 7–20. (In Russian)

Shpak V. Yu. The Political Ideal. *Politologiya: Slovar’*. Rostov-on-Don, RGU Publ., 2010. 292 p. (In Russian)

Surkov V. Putin’s lasting state. *Nezavisimaia gazeta*, 2019, February 11. Available at: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed: 04.01.2021). (In Russian)

Received: March 26, 2021

Accepted: April 25, 2021

For citation: Belous V. G. Political culture or the culture of politics? (Polemical notes on a trivial topic). *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 118–134.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.201> (In Russian)